Рэй Брэдбери

Позвольте мне умереть прежде моих голосов

Часть сборника
Октябрьская страна (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Вы спросите: ну и как следует понимать этот дурацкий заголовок?

А вот как. С тех пор как мне исполнилось то ли двадцать два, то ли двадцать три, каждое утро, спозаранку, в моей голове раздаются голоса. Я так и зову их: «Театр утренних голосов». Оставаясь в постели, я лежу и слушаю, как они переговариваются в эхо-камере между моих ушей. Рано или поздно они становятся очень громкими – спорят, или страстно декламируют, или состязаются в остроте с кончиком рапиры. Тогда я вскакиваю (тихонько) и сажусь за пишущую машинку, пока в моей голове еще звучит эхо. И к полудню у меня уже бывает готов рассказ, или стихотворение, или акт пьесы, или глава романа…»

Перевод: Наташа Аллунан

- Рэй Брэдбери

Рэй Брэдбери
Позвольте мне умереть прежде моих голосов

Вы спросите: ну и как следует понимать этот дурацкий заголовок?

А вот как. С тех пор как мне исполнилось то ли двадцать два, то ли двадцать три, каждое утро, спозаранку, в моей голове раздаются голоса. Я так и зову их: «Театр утренних голосов». Оставаясь в постели, я лежу и слушаю, как они переговариваются в эхо-камере между моих ушей. Рано или поздно они становятся очень громкими – спорят, или страстно декламируют, или состязаются в остроте с кончиком рапиры. Тогда я вскакиваю (тихонько) и сажусь за пишущую машинку, пока в моей голове еще звучит эхо. И к полудню у меня уже бывает готов рассказ, или стихотворение, или акт пьесы, или глава романа.

Но так было не всегда.

Я начал писать в двенадцать лет. В то время я обожал такие книги, как «Тарзан» Эдгара Райса Берроуза, «Волшебник» Фрэнка Баума, «Капитан Немо» Жюля Верна, и всячески старался создать нечто подобное. Если утренние голоса и пытались тогда до меня докричаться, я их не слышал.

Таким образом, первые десять лет своего писательства я производил на свет совершеннейшую белиберду, которая если и заслуживает упоминания, то только как свидетельство моих безнадежных попыток стать тем, кем мне быть не дано. Подражательство занимало все мои мысли, и подлинная муза творца, живущего во мне, не имела шансов поднять свою прелестную головку.

Иначе говоря, за моим продолговатым мозгом находились неведомые земли, куда я ни разу не забредал в своих странствиях. Неведомой землей Шекспира была Смерть собственной персоной. Моя же неоткрытая страна (как выяснилось позже, когда я все-таки набросал ее карту по подсказкам голосов) скрывала в себе идеи, представления, понятия и причудливые образы, причем свои, оригинальные, каких не найдешь у Берроуза, Баума или Верна. И мне пришлось отучить себя делать из кумиров образцы для подражания и, продолжая любить их, перестать строить из себя Джона Картера, Тик-Тока или безумного капитана «Наутилуса».

Первый прорыв я совершил, еще когда учился в средней

школе. Мне вспомнилось одно мрачное место в моем родном городке, и я написал рассказ под названием «Овраг», наполненный ощущением ужаса и затаившейся поблизости смерти. По молодости лет я не понял, что впервые создал собственное полноценное произведение, что мои нервные окончания и ганглии породили нечто свежее. Я спрятал рассказ в стол и вернулся на дорогу, ведущую в страну Оз и Барсум. Чем и отдалил лет на пять-шесть тот день, когда мне предстояло стать самим собой.

Талант начал просыпаться во мне благодаря одной из нелепейших случайностей в мире. Когда мне было двадцать два, я стал составлять списки существительных – так я пытался расшевелить свое подсознание и что-нибудь из него выудить. Ничего не получалось, пока однажды, сидя в жаркий полдень на солнцепеке с портативной пишущей машинкой, я не напечатал одно слово: «Озеро». Мне сразу вспомнилось лето, когда мне было семь лет. Белокурая девчушка, с которой мы строили замок из песка, забежала в озеро и не вернулась. Смерть и вода, вода и смерть… Как загадочно, как интригующе!

И, не теряя времени, я принялся вспоминать этот день, стуча по клавишам машинки. К вечеру рассказ «Озеро» был готов, а мои щеки – мокры от слез. С тех пор, после многих лет бездарных блужданий в потемках, я обращаю взор внутрь себя, ловлю все оригинальное, что обнаружится в моей голове, и пришпиливаю к бумаге. «Озеро» вышло несколько месяцев спустя в «Страшных историях» («Weird tales») и позже десятки раз переиздавалось в различных сборниках.

С того дня я начал интересоваться, что творится в моем мозгу – в его левом, правом, а то и вовсе каком-нибудь потустороннем полушарии. Я обнаружил, что для этого полезно перечитывать списки моих излюбленных имен существительных – хотя я не могу объяснить, чем эти слова так мне понравились. Стоит мне заглянуть в такой список, как на ум начинают приходить воспоминания или необычные метафоры. Один из моих ранних перечней выглядел примерно так.

Ночь
Чердак
Овраг
Одуванчики
Свистки ночного поезда
Теннисные туфли
Веранды
Карусели
Приезд цирка на рассвете

Потом, спустя много месяцев и лет, я брал эти слова, вертел их так и этак, шлифовал в мастерской позади глаз и ждал, когда предрассветные голоса облекут их в форму, возвысят их и отведут меня к моему «ундервуду».

Вскоре я понял, что, хотя в двенадцать, шестнадцать, восемнадцать и даже двадцать лет моей мечтой было писать научную фантастику, я, к счастью это или нет, являюсь внебрачным сыном Призрака Оперы, Дракулы и летучей мыши. Я вышел из дома Эшеров, мои тетушки и дядюшки ведут свой род от По. В течение следующих нескольких лет я написал большинство рассказов «Октябрьской страны» и продал их в «Страшные истории» по полцента или пенни за слово. При этом я решительно пропускал мимо ушей все предостережения редакторов, что мои рассказы не очень-то соответствуют представлению о страшных историях или историях о привидениях. Не мог бы я писать что-нибудь более, э-э, традиционное?

Я не мог и отправил им «Скелет» и «Толпу».

На «Скелет» я наткнулся благодаря своему семейному врачу. Я пожаловался ему на странные боли в горле, а он сказал: «Это совершенно нормально. Просто вы прежде никогда не обращали внимания на то, что происходит с тканями, мышцами и сухожилиями вашей шеи, да если уж на то пошло, то и всего тела. Взять хотя бы medulla oblongata, продолговатый мозг…»

Medulla oblongata! Язык сломаешь! Я отправился домой, ощущая каждую свою кость: коленные чашечки, ребра, которые поднимались и опускались при дыхании, локти, все эти тайные готические символы тьмы, – и написал «Скелет». С тех пор он не теряет популярности.

Примерно в то же самое время предрассветные голоса обернулись ночными кошмарами: мне вспомнилась автокатастрофа, которая произошла у меня на глазах, когда мне было пятнадцать лет. Пять человек тогда разорвало на куски. За несколько мгновений на месте катастрофы собралась толпа, люди словно из-под земли выросли. Несчастье произошло у ворот местного кладбища. Я подумал: «А что, если…» – и написал «Толпу».

Несколько лет подряд мои рассказы, рожденные благодаря чистым озарениям, появлялись почти в каждом номере «Страшных историй». Работая над ними, я подходил к пониманию того, как буду писать научную фантастику, если осмелюсь посягнуть на этот жанр. В результате появились, разумеется, «Марсианские хроники», в которых лишь пять процентов научной фантастики, а остальные девяносто пять – фэнтези. Борцы за

чистоту жанра до сих пор попрекают меня – как я посмел придать безвоздушному Марсу атмосферу только ради того, чтобы мои чудаковатые герои могли спокойно разгуливать и дышать без всяких чертовых скафандров.

Появлением «Дня возвращения» я обязан дому, который стоял по соседству с домом моих бабушки и дедушки. Когда я был маленьким, мы с тетей Невой накануне Хеллоуина ездили за город за охапками кукурузы и тыквами, чтобы украсить дом. Потом я забивался на чердак, преображался там в ведьму с восковым носом и бородавчатым подбородком и отправлялся пугать родственников и соседей. Члены семьи из «Дня возвращения» носят имена моих дядьев и теток. Дядю Эйнара я назвал в честь любимого дядюшки, шведа по происхождению, который обожал громко петь. Я так любил его, что дал ему крылья и научил парить в небесах.

Наконец, «Следующий» был написан после того, как меня по глупости занесло в могильные катакомбы в мексиканском городке Гуанахуато. Я бродил между бесконечных штабелей высохших, как мумии, трупов мужчин, женщин и детей. Детские останки были примотаны проволокой к запястьям женщин. Всех этих мертвецов выселили из могил на кладбищах за неуплату аренды. Побывав однажды в катакомбах, я обнаружил, что сбежать из этого адского места практически невозможно. Мумии преследовали меня, пока я не захоронил их в «Следующем».

Так я и писал рассказ за рассказом, пока однажды не высунулся из раковины и не изобразил в своем лице то, о чем однажды сказал Джерард Мэнли Хопкинс: «Теперь я понял: то, что я делаю, и есть я». С той поры я только и делаю, что пытаюсь оставаться собой.

Первый раз «Октябрьская страна» увидела свет под названием «Темный карнавал». Рассказ, который дал сборнику это название, я не успел закончить вовремя, и в книгу он не вошел. Он ждал своего часа, обрастая полночными часами и похоронными процессиями, и в конце концов превратился в роман «Надвигается беда», опубликованный в 1962 году.

А это после долгих странствий возвращает нас к заглавию данного предисловия: «Позвольте мне умереть прежде моих голосов». Голоса звучат по сей день, и я все так же прислушиваюсь к ним и следую их безумным советам. Если когда-нибудь, проснувшись на рассвете, я не услышу их, то пойму, что моя жизнь подошла к концу. Но если повезет, голоса будут раздаваться в моей голове до самого последнего дня и в свой последний день я буду по-прежнему счастлив.